

Людмила Ивановна Володина родилась в Воронеже. Окончила авиационный факультет Воронежского политехнического института. Работала на оборонных предприятиях города. В настоящее время — менеджер Воронежского государственного театра оперы и балета. Публиковалась в журналах «Воронеж», «Веста», «Москва», «Подъём». Автор сборников рассказов «Когда жизнь — анекдот», «Страшная месть». Живет в Воронеже.

Людмила Володина

FINITA LA COMMEDIA

Рассказ

День не задался с самого утра. За завтраком прилепилась жена: надоело ей ждать, когда муж, наконец, соизволит заняться домашними делами. Ну ваще! Ты и деньги зарабатывай, и дома вкалывай, и ночью чтоб молодцом был. Говорил дружок когда-то: не женись! Бабам дай волю, они на голову готовы усесться, причем с ногами и на шпильках, чтоб пришпоривать было чем.

И заказчица с улицы Пирогова попалась въедливая до невозможности, да еще грозилась руководству на него пожаловаться, поганка такая, — и фамилию его не поленилась записать. Он ей русским языком втолковывал: «Пластиковое окно, какое заказывала, вставили? Вставили. Не криво? Не криво. Старое на помойку отнесли? Отнесли. Откосы, москитную сетку установили? Установили. Мусор за собой убрали? Убрали. Чего ж тебе еще?!»

А, говорит, снаружи пена выпирает. Углядела же... коза рыжая. Он ей отвечает, мол, ну и пусть себе выпирает на здоровье, из комнаты ж не видно. А она сердает: мол, как же так, с улицы-то некрасиво смотрится, когда вокруг оконной рамы пена на милоу оттопыривается! А он

ей: да и пусть себе оттопыривается, кому она мешает! А заказчица заладила свое, мол, нет, так быть не должно, вы обязаны все заделать, как положено, и как, дескать, вам не совестно!..

Тогда он и возразил ей очень культурно, что вот, мол, у него самого тоже уши оттопыриваются, а жене очень даже нравится, она, может, его за уши и полюбила! А заказчица прямо взвилась: «Хам! Я на вас жаловаться буду!» Все настроение испортила, дура.

Выполнили они с Данилкой — помощником, восемнадцатилетним пацаном — по разнарядке еще одну срочную работу: смежная бригада умудрилась откосы вкривь поставить. Устранили брак и отправились перекусить.

Вот как чувствовал, что не надо было этот забугорный харч покупать! Всегда ведь обедали пирожками, а тут на чизбургеры потянуло. В общем, жует он с аппетитом эту бургеровскую жратву, челюсти сжимает — хрясь! Ползуба нету. Тридцать три несчастья!! Косточка попалась. Руки пообломать бы тому, кто готовил!

Короче, отправил он напарника Данилу на фирму — дела сдать и наряд назавтра получить, а сам почесал в поликлинику.

В жизни к стоматологу не ходил! В детстве разве что, когда молочные зубы были. Настроение — хоть вешайся! Зуб жалко, и, честно признаться, стремно как-то. Боится он этих зубников с того самого детства. Мать рассказывала, как однажды ему собрались удалить уже качающийся молочный зубик, так он заорал на всю поликлинику, что сбежался весь медперсонал с других этажей на него полюбоваться. А когда измученная, но довольная врачиха поднесла к его глазам выдернутый зуб, а мама толкнула в плечо, чтоб он сказал тетечке спасибо, мальчик, сверкнув глазами, выпалил, что когда вырастет, то всех этих докторов поубивает... к едрени фени.

В регистратуре, естественно, талонов не оказалось, но бедняга так умолял, что его все же записали, правда, на платный прием. Но он и этому был несказанно рад. Поднявшись на второй этаж и отыскав нужный кабинет, опустил талон в дверную щелку и уселся на свободный стул, поставив чемоданчик с рабочим инструментом рядом. Напротив, на стене, висел красочный плакат, радостно сообщавший посетителям: «У вас болят зубы? Наши стоматологи сделают все, чтобы вы навсегда забыли о них!»

Ассистентка вынула из специального ящичка, закрепленного на внутренней стороне двери, талончики вновь подошедших больных.

— Авдейкин... Умельцев... Криворучко... Котов... — негромко читала она фамилии, раскладывая талоны согласно указанному времени. «Как-как?» — переспросила доктор. — Криворучко, Котов, — повторила сестра.

— Да нет, первая...

— Авдейкин, по платному.

— Имя?

— Семен Витальевич, — доставая только что заполненную в регистратуре карточку первичного больного, уточнила медсестра. — Приглашать, Инна Петровна? — спросила она, видя, как их пациент не спеша поднимается с кресла.

В кабинет заглянул дружок, бывший Инин однокурсник, с коим на-

канули «со вкусом» посидели в рестораничке, отмечая его назначение на должность главврача. Он расслаблялся в недельном отпуске, но вынужден был заскочить на работу подписать кое-какие документы — сам теперь начальство, ничего не поделаешь.

— Ты как, Инусь, после вчерашнего-то, жива?

— Как видишь... а куда деваться? Я ж не начальник, мне работать надо.

— Слушай, а у тебя сегодня аншлаг! — приятель махнул рукой в сторону двери.

— А у нас тут каждый день аншлаг, будто впервые видишь.

— Знаешь, Инуль, недели в новой должности не работал, а меня уже сторонятся, — кокетливо вздыхая, пожаловался коллега. — Завидуют. Но я ж не зазнаюсь?

— Ну, это еще успеется. Слушай, начальник, а не помог бы ты мне?

— Всегда рад помочь коллеге! — шутливо козырнул рукой однокурсник.

— Тогда, слушай сюда... — заговорщицки поманила Инна дружка и перешла на шепот.

Из кабинета наконец-таки вышел пациент — тот самый наглый френер, что влетел ураганом в дверь десять минут назад — и без очереди, прохвост. Нет, он не вышел, а скорей, вывалился, неся на плечах толсто перебинтованную по диагонали голову. На том месте, где должна быть щека, выпирал целый холм. Мужчина неуклюже подпирал бугор ладонью, и сказать, что лицо его выражало страдание, — значит, ничего не сказать! Глаза мужика были так широко раскрыты, что в них спокойно могло бы поместиться по двухрублевой монете... а может, даже и по пятерке.

Очередь взволновалась, и все вопросительно уставились на больного.

— Жве-ерь!.. И-ижверг! — шепеляво, с какими-то булькающими и свистящими звуками пробормотал, едва не плача, больной.

— Что?! Что такое?! Что случилось?! — посыпались со всех сторон вопросы. Жалость и сострадание в момент заглушили обиду на нахала, а кое-кто из очереди, поднявшись с места, сочувственно заглядывал несчастному в глаза.

Тот несколько раз всхлипнул и рукавом дорогого пиджака промокнул глаза. Затем, обернувшись и погрозив кулаком на дверь, жалостливо прошамкал:

— Фафыфка проклятая... — и еще сильнее ссутулившись, жалкий и несчастный, побрел по коридору к лестнице.

Народ недоуменно переглядывался. Симпатичная девушка, тихо ожидавшая своей очереди с тетрадкой на коленях и карандашом в руке, вдруг встала и со словами «ой, я опаздываю на семинар» кинулась по коридору к выходу.

— А мне внучку из садика забирать, а то не успею... — заторопилась вдруг элегантная дама в светлых брючках и туфлях на высоких каблуках.

Решение пришло мгновенно. Пропади он пропадом, этот зуб! Быстро поднявшись, Сеня наклонился за чемоданчиком, стоявшим рядом со стулом. Но тут дверь кабинета распахнулась, и строгий голос сестрички громко позвал: «Авдейкин!» Вычислив нужного пациента по красноречивому затравленному взгляду, медсестра жестко скомандовала: «Проходите!»

Все, поздно. Теперь ничего не оставалось, как только подчиниться, и поникшая спина больного скрылась за громко захлопнувшейся дверью. Очередники с облегчением вздохнули. А спустя минуту перед дверью стоматолога сидело всего два человека — это были повторные больные.

Да что ж за день такой, Господи!

Пока он усаживался в кресло, пока ему пристегивали к груди «слюнявчик», пока докторша смотрела карточку (чего там ее смотреть!), Семен прокрутил тысячу вариантов своего спасения.

Покажу ей на здоровый зуб, — прикидывал он, — она посмотрит, ничего не найдет и — до свиданья. А если найдет? Нет, уж лучше сказать правду, а потом к всеобщей радости заявить, что обломанный зуб уже совершенно не беспокоит и, следовательно, лечить его не нужно. Зачем лечить, если не болит, правда же?

Кресло было удобное, с подголовником, полулежачее, но сейчас удобства эти были, что говорится, не в кайф. Положив левую руку на мягкий подлокотник и не нащупав другой рукой правый, Семен сообразил, что второй подлокотник попросту отсутствует. Фантазия не замедлила нарисовать ему страшную драму, разыгравшуюся некогда в этом кабинете. Видимо, несчастного больного долго и жестоко мучили, а тот, стойко снося издевательства, с такой силой вцепился в этот подлокотник, что, в конце концов, и оторвал его с корнем! Кошма-ар... Сеня почувствовал, как лоб его покрывается испариной.

Когда же докторша со скрытым за бумажной маской лицом уселась рядом и намертво припечатала его рентгеновским взглядом к креслу, да так, что он и пошевелиться не мог, а затем спросила: «На что жалуетесь?» — обыкновенно так спросила, обыкновенным голосом, — у него по спине пробежали... нет, не мурашки, а сороконожки, причем в кирзовых сапогах.

Не успел он открыть рот, как осознал, что позабыл все слова — раздалось лишь его жалкое мычание. Докторша же не стала ждать окончания спонтанной амнезии, а попросила широко раскрыть рот и сунула туда какую-то железку и маленькое железкой по огрызку зуба и подула на него воздухом, а когда Авдейкин ойкнул, злоеще, как показалось Семену, усмехнулась и скомандовала ассистентке: «Анестезия!»

Такого всеобъемлющего, вязкого, жуткого страха он не испытывал давно, наверное, с той поры, когда, служа в десантных войсках, впервые стоял с парашютом за спиной перед открытой в пропасть неба дверью. А когда увидел в руке у врачихи шприц, то почувствовал, что ему страшно хочется в туалет, по-маленькому. Отпроситься и слинять! Вот оно — спасение! Но было поздно.

Иголка вонзилась в десну, а Сеня изо всей силы зажмурил глаза и вцепился в единственный подлокотник. Но боли почему-то не испытал — странно... Наверное, для начала усыпляет бдительность. Какое коварство! Если не сказать — изуверство! Но глаза решил больше не открывать — так покойнее будет.

Дальше докторша и ассистентка стали изъясняться короткими фразами на непонятном сленге. Ясное дело, это чтоб больной не врубился, в чем тут дело. И Авдейкину представилась «счастливая» возможность в полной мере ощутить свою беспомощность и ничтожество перед лицом этих эскулапов.

— Коффердам? — быстро спросила стра.

Видимо, доктор ответила кивком, потому что тут же последовал следующий вопрос: «Кламп?» (Или — кляп?! Господи, спаси и сохрани!). — «Шестерка», — ответила доктор.

Затем на его разъяренный до судорог в скулах рот наложили мерзкую резиновую пленку! и стали стальными скобами крепить к зубам! Сеня похолодел. Все ясно: это чтоб не кричал! «...Ка-ра-у-ул!» — застонал про себя Авдейкин.

— Слюноотсос... — услышал он, и ему сунули под резинку пластмассовую трубочку. Все ясно: это когда с ума сходять, то слюны пускают. Господи, за какие грехи?!

В ход пошла бормашина, издавая омерзительный жужжащий звук. Но больно не было.

И тут докторша скомандовала ассистентке — буднично так, хладнокровно: «Пистолет». Не понял... — прикончить, что ли, собрались?! Это при свидетелях-то, которые там, в коридоре, сидят? Хотя, конечно, можно врать потом, что, дескать, у чересчур впечатлительного больного не выдержали нервы и мы, мол, тут ни при чем. И пистолетик психу в руку сунуть. Только с какой радости больных-то отстреливать? Чтоб государству экономия была? Дак он же платный! Хотя... сегодня — платный, а завтра пойдет и талончик возьмет.

Оказалось, из этого пистолета рот водой промывают. Тьфу! Совсем уж рехнулся: правду говорят, у страха глаза велики. А эту хреновину, видно, специально пистолетом назвали, чтоб на больных жути побольше нагнать да чтоб те по врачам меньше шлялись! Зато каждый раз, когда врач повелевала: «Отсвечиваем!», в рот совали и упирали прямо в зуб какую-то массивную штуку, уж очень смахивающую на дуло пистолета.

Единственной командой врачихи, не насторожившей Авдейкина, оказалась миролюбивая: «Снимите пимпочку». Она прозвучала не в пример другим по-доброму, ласково, не содержала явной крамолы, что и позволило дрожащему от страха пациенту на время расслабиться.

Наконец все закончилось. Изо рта повынимали инородные предметы, ополоснули водой, и врач, попросив сомкнуть челюсть, спросила: «Ну как? Хорошо?» Причем ехидно спросила, не как-нибудь — от него ничего не скрылось! А где ж хорошо, когда челюсти вообще не сходятся!! Теперь ясно, в чем состоял изуверский план эскулапши. Господи, как же он жевать-то теперь будет?!

— Там выпирает что-то... — робко пролепетал пациент.

— Выпирает? Не может быть. Я все вам сделала, как положено, посмотрите сами, — и она сунула ему в руку небольшое зеркальце.

Растерянный и смущенный, Сеня поискал глазами сломанный зуб и, честно говоря, был приятно удивлен, увидев его снова на том же месте в челюсти и сохранности. Будто и не ломалась вовсе.

— Ну, вот, — улыбнулась прекрасными карими глазами докторша, — можете идти.

Авдейкин снова сомкнул челюсть. У-ужас... Верхний и нижний ряд зубов совершенно не смыкались!

— Но-о-о... — промямлил он — я же не смогу есть...

— Почему? — наивно заморгала глазками врачиха, и Сеня был почти уверен, что под маской-личиной таилась злорадная ухмылка. — Я вам

поставила качественную пломбу из светоотверждаемого материала, сформировала недостающую часть зуба, отполировала... чего ж вам еще?

Семен изо всех сил сдерживался, чтоб не разругаться. Сунув палец в рот и нащупав злосчастный зуб, он прошепелявил:

— Вжгляниче: чам же племба очтопыривается.

— Вот и славно, — мягко сказала докторша, — когда оттопыривается... Вам же нравится... насколько я помню, — и сняла повязку.

Finita la commedia!.. Перед его взором предстала та самая вреднющая клиентка с улицы Пирогова. И как он ее по голосу-то не узнал, кретин! Сеня почувствовал, как у него запылали щеки... Вот теперь ради своего спасения он был готов на все!

И немного придя в себя, Сеня клятвенно пообещал врачихе завтра же доделать свою работу. Докторша сжалилась над ним и чуточку подточила кончик наращенного зуба. Прикус восстановился.

А Семен Авдейкин вскоре прослыл лучшим мастером на фирме, потому что теперь всегда доводит свою работу до конца — на всякий случай, во избежание возможных недоразумений — ну и чтобы, как говорится, совесть не мучила.

